

Исаак Бабель: письма из Одессы

Несмотря на отсутствие основного архива И.Э. Бабеля, пропавшего во время ареста 15 мая 1939 г. и до сих пор не найденного, его писем, сбереженных адресатами, сохранилось немало. Около тысячи писем, которые датируются 1925-1939 гг., отправлено сестре и матери в Бельгию, где Мария Эммануиловна жила с конца 1924 г., а Фейга Ароновна – с лета 1926-го. Местонахождение оригиналов писем в настоящее время неизвестно, но в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США) имеются почти все ксерокопии с оригиналов, по которым они и печатаются в настоящей публикации.

Вероятно, мы можем говорить о таком явлении, как «одесский текст» Бабеля. В него наряду с классическим циклом «Одесские рассказы» («Король», «Как это делалось в Одессе», «Отец», «Любка Казак»), дополняющими этот цикл новеллами «Справедливость в скобках», «Конец богадельни», «Фроим Грач», примыкающими к нему драмой «Закат» и киноповестью «Беня Крик» могут быть отнесены рассказы, действие которых происходит в Одессе: «В подвале» (1931), «Пробуждение» (1931), «Карл-Янкель» (1931), «Ди Грассо» (1937), неоконченный ранний набросок «Детство. У бабушки» (1915); а кроме того, очерк «Одесса» (1916) – юношеская эстетическая декларация писателя, два «Листка об Одессе» 1918 г. и предисловие к неизданному «Сборнику семи одесситов». Неотделимой частью этого «одесского текста» надо считать фрагменты эпистолярия писателя, посвященные его родному городу. Вот примеры из писем разных периодов и по-разному эмоционально окрашенных, адресованных школьному товарищу и ближайшему другу Бабеля Исааку Лившицу.

17 апреля 1923 г., после переезда Лившица в Москву, Бабель пишет ему:

«Читаю московскую вашу литературу. Мне не ндравится. В Одессе совсем ничего нет. Я здесь рак на безрыбье.

Прежних моих знакомых я застал в весьма авантажном виде. Они подкормились, жены распухли, детки поправились, но все это сугубо провинциально. Этого раньше в Одессе не было, и этим она сейчас очень плоха – провинциализмом».*

В 1924 г., после смерти Ленина, Бабель выскажет суждение еще более резкое: «Одесса мертвее, чем мертвый Ленин. Здесь ужасно».** Но уже 28 октября 1927 г. в письме из Марселя воскликнет: «Представьте себе Одессу, достигшую расцвета. Это будет Марсель».**.*** Наконец, 8 августа 1936-го, вновь из Одессы, ностальгически заметит: «Одесса бедна, нища, не отремонтирована и прекрасна по-прежнему»****

Хорошо известна такая особенность характера Бабея, как склонность к мистификации, стремление прятаться, утаивать правду даже в повседневных делах и мелочах. Вместе с тем он всегда аккуратно, даже педантично проставлял в своих письмах дату и место, откуда то или иное письмо отправлено. По письмам несложно составить хронологию его передвижений и пребывания в разных городах и весях. Из писем Бабея родным выстраивается ряд биографических сюжетов. Один из них связан с Одессой.

Поскольку первое письмо сестре датируется 23 февраля 1925 г., мы не можем назвать точную дату его переезда из Одессы в Москву. Мы знаем только, что он перевез сюда маму, сестру и жену не позднее лета 1924 г. (Точнее, поначалу для Бабея и его семьи это был подмосковный Сергиев Посад.)

Писатель всегда стремился приехать в родной город. Выступая на вечере памяти Эдуарда Багрицкого в годовщину его смерти, 16 февраля 1935 г., Бабель сказал: «Я вспоминаю последний наш разговор. Пора бросить чужие города, согласились мы с ним, пора вернуться домой, в Одессу, снять домик на Ближних Мельницах, сочинять истории, стариться...». Скорее всего, друзья говорили не всерьез, но вот о постоянном пристанище в Одессе, о чем-то вроде дачи Бабель в середине 1930-х гг.

* Бабель И. Письма другу: Из архива И.Л. Лившица / Сост., подгот. текста, коммент. Е.И. Погорельской. – М.: Три квадрата, 2007, с. 16.

** Там же, с. 22.

*** Там же, с. 25.

**** Там же, с. 96

на самом деле задумывался: ему необходим был теплый климат – такой, как на его родине.*

После переезда писателя в Москву ему удалось лишь очень коротко побывать в Одессе в самом начале апреля 1927 г. Он на несколько дней ездил тогда в Винницу и Одессу из Киева, выступал в этих городах. Длительные пребывания Бабеля в Одессе относятся к осени 1935 и к концу лета и осени 1936 г. Ниже публикуются письма из Одессы, написанные в эти периоды.

В поездках 1935 и 1936 гг. его сопровождала жена Антонина Николаевна Пирожкова. Однако мы не найдем в письмах упоминаний о ней. Дело в том, что, щадя чувства матери и сестры, которые были очень привязаны к Евгении Борисовне и к Наталье, он скрывал от них свою вторую семью.

А.Н. Пирожкова вспоминала об этих поездках на родину Бабеля. Вот красочные детали из ее мемуаров о пребывании в Одессе в 1935 г., которыми я хочу предварить публикацию писем:

«Из Киева мы отправились поездом в Одессу. Вещи оставили в камере хранения и поехали в Аркадию искать жилье. Сняли две комнаты, расположенные на разных уровнях, с двумя выходами. Участок был очень большой, совершенно голый, без деревьев и кустарника; по самому краю обрыва к морю его ограничивал деревянный забор, узкая деревянная лесенка с множеством ступеней вела прямо на пляж. Завтраком кормила нас хозяйка, муж которой был рыбаком, а обедать, после того как слегка спадала жара, мы ходили в город, обычно в гостиницу «Красная», а иногда в «Лондонскую». Тогда еще можно было получить в Одессе такие местные великолепные и любимые Бабелем блюда, как баклажанная икра со льда, баклажаны по-гречески и фаршированные перцы и помидоры.

После обеда мы гуляли вдвоем с Бабелем или большой компанией или заходили за Юрием Карловичем Олешей и отправлялись на Приморский бульвар. Иногда забирались в отдаленные уголки города, и Бабель показывал мне дома, где он бывал, – там жили его знакомые или родственники.

В Одессе в то лето шли съемки нескольких кинокартин. В гостинице «Красная» на Пушкинской улице разместилось много мос-

* В конце концов Бабель взял дачу в писательском поселке Переделкино под Москвой.

ковских актеров и несколько режиссеров. В гостинице «Лондонская» на нижнем этаже в узкой комнате рядом с главным входом жил Олеша.

После завтрака Бабель обычно работал, расхаживая по комнате или по обширному участку вдоль моря. Как-то я спросила: о чем он все время думает?

– Хочу сказать обо всем этом, – обвел он рукой вокруг, – минимальным количеством слов, да ничего не выходит; иногда же сочиняю в уме целые истории...

В комнате на столе лежали разложенные Бабелем бумажки, и он время от времени что-то на них записывал. Но, даже проходя мимо стола, я на них не смотрела – так строг был бабелевский запрет.

Иногда Бабель отправлялся с хозяином-рыбаком в море ловить бычков. Происходило это так рано, что я и не просыпалась, когда Бабель уходил из дому, а будил он меня завтракать, когда они уже возвращались. В те дни на завтрак бывали жаренные на постном масле бычки.

Бабель водил меня на Одесскую кинофабрику посмотреть его фильм «Беня Крик», снятый режиссером В. Вильнером. Картину эту он считал неудавшейся.

Бабель любил Одессу и хотел там со временем поселиться. Он и писатель Славин взяли рядом по участку земли где-то за 16-й станцией. К осени 1935 года на участке Бабеля был проведен только водопровод; дом так и не был построен. Место было голое, на крутом берегу моря. Спуск к воде вел по тропинке в глинистом грунте. Аромат в тех местах какой-то особенный; кругом – море и степь».**

* * *

К сожалению, не удалось прокомментировать ряд имен, упоминаемых в письмах Бабеля. Поэтому обращаюсь к читателям-одесситам с просьбой откликнуться и сообщить автору настоящей публикации, если кому-нибудь что-либо известно об этих лицах.

** Пирожкова А. Я пытаюсь восстановить черты: О Бабеле – и не только о нем. – М.: АСТ, 2013, с. 256-258.

1. 19 сентября 1935

Одесса, 19.IX.35

На родине... Говорят, прикосновение к родной земле дает новые силы... Блаженствую, живу на даче, купаюсь... Дача в Аркадии, очень комфортабельно. Приехал сюда шестнадцатого, два дня прожил, как лорд, в Лондонской, со вчерашнего дня в Аркадии – она неузнаваема, пальмы, дорожки, зонты на пляже. В остальном Одесса отстала – бедна, провинциальна, за штатом, но прекрасна по-прежнему. Нигде еще не был, никому не сказавшись, ходил по городу. Ришельевская, 17, Тираспольская, 12¹, все, как было; вывески Натансона и Гурфинкеля² – очевидно, они еще там... Я эгоистически рад, что мало новых зданий и мало изменений – все сразу узнаешь... Сегодня объявлюсь теткам³ и войду в «курс»... Обо всем донесу. Жду адреса Тобиаш⁴, я его потерял... В Киеве был на маневрах и видел вещи, которые прочие смертные еще не видели... Какие-то призрачные дела призывают меня в Москву, но я постараюсь здесь пробыть как можно дольше; чувствую, что возрождаюсь духовно и физически. Сегодня пойду на почту – может, от вас есть уже что-нибудь. Теперь в Одессе две большие почты – одна, старая, на Садовой, другая на месте маленькой – на углу Почтовой и Екатерининской. Разговор в Одессе по-прежнему колоритный – я выпил «ту» рюмку водки, дайте мне «те» тефтели. Охранители порядка здесь называются «тыи люди...». На несколько дней опоздал к великому событию – гонимые паламидой <sic!> к одесским берегам подошли невиданные косяки скумбрии, она выбрасывалась сама на берег, брали ее руками, мальчишки дрались рыбой на улицах...

По мере накопления сведений – буду доносить. Сегодня условились с Анютой⁵ поехать на кладбище.⁶

И.

¹ Одесские адреса семьи Бабея: на Тираспольской, 12, они жили после возвращения из Николаева в конце 1905 года, на Ришельевской, 17, – с 1909-го вплоть до отъезда из Одессы в 1924-м после смерти отца Э.И. Бабея (умер 2 марта 1924 года).

² Речь идет о Якове Германовиче Натансоне (1879 – после 1920), меценате, юристе, присяжном поверенном, издателе, и Х.Г. Гурфинкеле, купце 2-й гильдии, владельце магазинов галантереи и мануфактуры в Одессе.

³ В Одессе оставались две тетки Бабеля, сестры его матери – Соня и Анюта (см. далее).

⁴ Сведений о данном лице не найдено.

⁵ Анюта – Геся Ароновна Швехвель (в замужестве Кушнир; ум. 1941), акушерка, сестра Ф.А. Бабель.

⁶ Речь идет о Втором еврейском кладбище, где в 1924 году был похоронен Эммануил Исаакович Бабель.

2. 21 сентября 1935

Одесса, 21.IX.35 Par avion

Живу в Аркадии, оправдывающей свое древнее наименование. Лето стоит во всем блеске. По несколько раз схожу к морю, загораю, купаюсь. В город еще не ездил, уж очень здесь хорошо. Сегодня поеду к Анюте, завтра генеральная ревизия Молдаванки, буду у Сони¹. Два раза в день ем скумбрию во всех видах. В течение нескольких дней улов был великолепным, но теперь рыбаки жалуются – скумбрию разгоняют паламиды <sic!>. Посылаю вам Ришельевскую улицу.² В адресе обязательно пишите – «Главный почтамт».

И.

¹ Соня – Зельда Ароновна Швехвель (в замужестве Нахамкис), акушерка, сестра Ф.А. Бабель.

² Письмо написано на почтовой карточке с видом Ришельевской улицы.

3. 23 сентября 1935

Одесса, 23.IX.35

Вчера был у Анюты, завтра поеду на Молдаванку к Соне. Кушницы¹ мало постарели, девочка с остреньким личиком², сильно «одесская», разговор с Мало<й> Арнаутской. Живут все в одной комнате, загроможденной мебелью до последних пределов (Анюта верна себе), идиот Гофман³ на службе (все глупеет), Ада⁴ тоже работает. На стенах у Анюты полный набор семейных портретов (с незапамятных времен), узнал много наших безделушек, все это очень трогательно. Скляр⁵, оказывается, служит, недавно даже

экзамен какой-то выдержал. Способ выражения, по-прежнему, у него резкий.

Погода все еще божественная.

И.

¹ Кушницы – Геся Ароновна (Анюта) и ее муж провизор Кисель-Иегуда Авраамович.

² Внучка Г.А. и К.-И.А. Кушниц Гофман Зинаида Евгеньевна (в замужестве Калмыкова, р. 1930)

³ Гофман Евгений Георгиевич (Жоржевич, ум. 1959), зять Г.А. и К.-И.А. Кушниц.

⁴ Кушниц Ада Кисилевна (1900-1981), бухгалтер, двоюродная сестра Бабея.

⁵ Сведений о данном лице не найдено.

4. 30 сентября 1935

Одесса, 30.IX.35

Письма ваши получил с опозданием, все приходил на почту после закрытия. Сообщения о маминой болезни особенно тяжелы для меня на нашей родине. Родственников всех ублажу, девочке ношу подарки. Продолжаю себя очень хорошо чувствовать в Одессе, надеюсь что-нибудь здесь «сработать». К Левиаш¹ зайду. Пишу на почте, поэтому – бегло, кроме того, нахожусь под впечатлением плачевных твоих известий. Дня два здесь было ветрено, холодно, сегодня вернулось лето. От Жени² давно ничего нет. По-прежнему живу на даче, на самом берегу моря. Вот бы вас сюда. Кланяйся маме. *И.*

¹ Сведений о данном лице или семье не найдено.

² Бабель Евгения Борисовна (урожд. Гронфайн; 1896-1957), художница, первая жена писателя; с конца 1925 г. жила во Франции.

5. 3 октября 1935

Одесса, 3.X.35

Как здоровье? Молюсь за вас собственному богу...

Видал вчера Анюту и Соню, рассматривал несколько часов старые фотографии: нашел обеих бабушек, мои и Мерины

гимназические снимки, маму с двухлетней дочерью, всех моих товарищей – Черкеса, Вайнтрауба, Лившица¹... Все эти снимки отдам здесь на кинофабрику, их переснимут, часть карточек оставлю себе, часть отошлю вам...

Здесь по-прежнему удивительная погода, не хочется двигаться из Аркадии, кроме того, работаю лучше, чем где бы то было. В воскресенье, перед Йом-кипур, экспедиция с обеими тетками на кладбище – хочу привести в достойное состояние все могилы. Из Москвы мне перевели деньги. По получении еще раз будут одарены тетки и Левиаш.

И.

¹ Черкес Григорий – выпускник Одесского коммерческого училища (ОКУ) 1912 г. Вайнтрауб Арон – одноклассник Бабеля по ОКУ. Лившиц Исаак Леопольдович (1892-1978), одноклассник и ближайший друг Бабеля, издательский работник. Судьба фотографий Фейги Ароновны с двухлетней Мери и школьных товарищей Бабеля неизвестна. До нас дошла лишь фотография предположительно 1908 г., запечатлевшая одноклассников Арона Вайнтрауба, Абрама Крахмальникова, Исаака Бабеля и Исаака Лившица в форменных фуражках и зимних пальто с барашковыми воротниками.

6. 9 октября 1935

Одесса, 9.X.35

Купальный сезон в этом удивительном городе продолжается. Дни стоят сияющие. Провожу их на даче, на берегу моря, в трудах и одиночестве. Рыбачка, хозяйка моя, готовит восхитительные одесские блюда. С ужасом думаю об отъезде в Москву. Всякие городские дела здесь откладываю на то время, когда начнется дурная погода. Впрочем, всякое посещение города дает уму и сердцу обильную пищу. Один визит к Столярскому чего стоит!..¹ Я ночевал у них. Маэстро ходит весь пестренький, с шевелюрой, в пижамах и клетчатых штанах. Здесь школа его имени, он лучший преподаватель скрипичной игры в Союзе, вундеркинды из-под его рук сыплются, как горох, благополучие полное, он любимец и баловень – и даже дочь, сильно напиханная годами, недавно вышла замуж. Сильно кланяется вам...

О наших «визитах» вам, вероятно, писала Анюта, повторяться не буду. Отдал фотографу переснять старые редкие карточки, чего у вас нет – пришлю. От мамы категорически требуем выздоровления. Посмотрела бы она, как бодро бегают Соня, живущая полной жизнью, какой молодежи выглядит Анюта (гораздо моложе и лучше Кати²). Все ее подружки – вроде Сони Фельдштейн³ выглядят несокрушимо...

Я рассчитываю, что работа моя в Одессе очень приблизит меня к свиданию с вами. Получил трогательное письмо от Наташи⁴.

Мне пишите по-прежнему в Одессу. О перемене адреса – уведомя вас телеграммой. В Одессе я снова открыл существование бога и молюсь ему о мамином скорейшем выздоровлении.

И.

¹ Столярский Петр (Пинхус) Соломонович (1871-1944) – знаменитый преподаватель игры на скрипке. Бабель вывел его в образе Загурского в рассказе «Пробуждение» (1931). Подробнее о встречах Бабеля и Столярского в 1930-е гг. см.: *Погорельская Е.* Частица живой Одессы: Исаак Бабель о П.С. Столярском // *Всемирные одесские новости.* 2017, № 2 (100), с. 4.

² Катя – Швехвель Гитл Ароновна (в замужестве Ляхецкая), младшая из сестер Швехвель, зубной врач; жила в Москве.

³ Сведений о данном лице не найдено.

⁴ Дочь Бабеля и Евгении Борисовны Наталья родилась в Париже 17 июля 1929 г. Стала литературоведом, переехала в США. Публиковала рассказы и письма отца.

7. 13 октября 1935

Одесса, 13.X.35

Был сегодня на почте. К огорчению – ничего от вас не получил. Очень волнуюсь.

Собираюсь с моей дачи в город. Буду вспоминать это время с добрым чувством. Еще сегодня утром купались в море, к вечеру поднялся осенний ветер. Пишу вам в третьем часу ночи, слышен прибой волн и свист ветра. На всей громадной даче – я да сторож, да сторожиха. В последние дни – полнолуние, ночи такой красоты, что даже грустно становится. Стою на обрыве над морем и не в силах уйти к себе...

С тетками вижусь часто... Их и Е. Я.¹ ждут в ближайшие дни богатые дары.

Постараюсь побыть на юге до конца октября. Больше сидеть нельзя будет, потому что дела в Москве достаточно срочные. Стараюсь набраться сил для Москвы – в Лермонтовском курорте (великолепно оборудованном) делаю по рецепту проф. Калины (брат покойного², набитый, веселый дурак, но очень хороший доктор, теперь профессор) ингаляцию для носа и греюсь под горячим солнцем – это, по-моему, единственно правильное лечение, в Москве не додумались. Калина, по-моему, правильно определил, что у меня никаких болезней и изменений в носоглотке нет, а больна только слизистая оболочка. Так как я к тому же пророк в собственном отечестве – то доктора (все поклонники) заставляют меня принимать всякие диковинные души и морские ванны. Терапевт, перед тем как прописать все это, выслушал меня и объявил, что сердце у меня хорошее, каковой диагноз был мне приятен.

Всю корреспонденцию направляйте пока в Одессу. Пишите мне.

И.

¹ Кто скрывается за этими инициалами, установить не удалось. Нельзя исключить опisku.

² По всей видимости, брат Калины, с которым общался Бабель в 1935 г., – Калина Осип Григорьевич, лечивший болезни уха, горла, носа и принимавший, как сказано в справочнике «Вся Одесса» за 1913 г., на Тираспольской, 8.

8. 19 октября 1935

Одесса, 19.X.35

Прелестная мамаша, божий цветочек. Надеюсь, что на ближайших футбольных состязаниях – ты возьмешь первый приз. У нас такие гражданки, как ты, прыгают с парашютом и сдают норму на звание ворошиловского стрелка...

В Одессе продолжают мягкие, солнечные дни. Пальто еще люди не надевали. Я рассчитываю здесь побыть до конца месяца. Потом – небольшой заезд в Киев и Москва. Запасуюсь здо-

ровьем – каждый день лежу под горным солнцем, принимаю морские ванны, делаю себе ингаляцию. От Жени очень скудные сведения, собираюсь бить ей телеграмму.

Вопрос о дальнейших моих передвижениях решится в Москве. Польза, приносимая мне пребыванием в Одессе, громадна – и душа, и мозги перетряхнулись. Может, еще и потому, что жить здесь хорошо – можно сказать, любим народом... На улице подходят незнакомые люди, все чистильщики и газетчики кланяются и вступают в совершенно невообразимые разговоры. Был как-то вечер в Сибиряковском театре¹, я пробормотал несколько слов, потом, когда я выходил, тысячные толпы молодежи собрались на Херсонской, загородили дорогу автомобилю, орали и не давали уехать. Как видите, добрый одесский народ жив еще...

Встречаю множество моих товарищей по школе, они все бухгалтеры, все пощипанные и притихшие. Один я что-то никак не чувствую обстоятельств времени и места...

Итак, во что бы то ни стало будьте здоровы. J'embrasse Grisha².
И.

Полпреда, похоже, не знаю, но узнать легко.

¹ Одесский театр, названный по имени его основателя оперного певца и антрепренера Александра Иллиодоровича Сибирякова (1863-1936). Открыт в 1903 г. Ныне Одесский театр оперы и балета.

² Обнимаю Гришу (*фр.*). Гриша – Григорий Романович Шапошников, врач-акушер, муж Марии Эммануиловны, сестры писателя.

9. 23 октября 1935

Одесса, 23.X.35

Уважаемые родственники и наставники.

Неотложные дела призывают в Москву, но я упираюсь. В Одессе хлеб моей души, и сюда надо мне вернуться. По-прежнему – особенный город. В Москву надо по делам литературным и международным; узнать, состоится ли пленум в ноябре в Париже.¹ Узнаю, кстати, в Москве о нашем бельгийском представительстве. Об отъезде буду вам телеграфировать заблаговременно, так что пока продолжайте писать в Одессу. С тетками вижусь, с минуты на минуту должен получить деньги из Москвы, тогда последуют жесты.

Я здесь веду жизнь мудрую – вдыхаю носом всякие щелочи и масла, грею морду под лампой Баха², к этому прихватываю, благо, бесплатно (все бесплатно в этой удивительной стране!) морские и углекислые ванны, с циркуляционным душем... Все это принимаю в Лермонтовском курорте... Здесь весна продолжается, а короткие напоминания об осени проходят бесследно.

Больше не имею кое-чего писать³, п<отому> ч<то> надо бегать и заниматься.

ИБ

¹ В июне 1935 г. Бабель участвовал в антифашистском конгрессе писателей в защиту культуры в Париже. Но в отличие, например, от Пастернака, приехавшего вместе с ним на конгресс с опозданием, Бабель даже не был избран в Бюро Международной ассоциации писателей в защиту мира. Однако на свое участие в писательских форумах за границей, которые могли стать продолжением работы конгресса, он рассчитывал. Это давало бы ему новую возможность встретиться с родными. 13 ноября 1935 года, уже из Москвы, он сообщил матери и сестре: «Пленум, который предполагали назначить в ноябре, – на некоторое время отложен. Мне дали понять, что я смогу повидаться с родными в любое время, как только обнаружу какую-нибудь «продукцию» – чем я единственно и должен теперь заниматься. Наездившись – я теперь с наслаждением сижу у теплой печки, в пуховых брюссельских комнатных туфлях, и неторопливо себе чего-то кропаю...». Весьма любопытно и неожиданно в этом плане и его более позднее письмо в Бельгию от 24 июня 1936 г.: «17 июня в числе прочих я должен был ехать в Лондон на писательский конгресс. Из-за смерти А. М. поездка наша перенесена на осень. Планы мои на лето надо было радикально изменить». Однако в состав советской делегации на пленум в Лондоне Бабель не выдвигался, а из-за смерти М. Горького СССР был там представлен одним Эренбургом.

² Ртутно-кварцевая лампа, применяемая для лечения различных заболеваний.

³ Переделанная цитата из рассказа Бабеля «Соль»: «Про эту вышеизложенную станцию есть много кой-чего писать, но, как говорится, в нашем простом быту – господнего дерьма не перетаскать».

10. 8 августа 1936

Одесса, 8.VIII.36

Незабвенные земляки.

Неделя ушла у меня на переезды, гостиницы, на страдания от душающей жары. Вчера поселился на берегу моря в Еван-

гелическом переулке – рядом с Лермонтовским курортом, где я буду лечиться. Вчера меня осматривали врачи – нашли сильное переутомление и ничего больше. Один из них – терапевт – сказал: дело вам портят бронхи; если бы не они – вашему организму можно только позавидовать. Пройду курс лечения носа у Калины – прошлогоднее дало блестящие результаты – ингаляция и горное солнце – буду купаться, ванны и всякая механо-терапия...

Одесса такая же очаровательная, но обшарпанная и бедная. Вчера встретил у Лермонтовского курорта Катю и Ляхецкого¹; они лечатся всеми возможными процедурами, они-то, собственно, мне комнату и сняли...

В смысле погоды – здесь благодать – жара спала, а то хоть пропадай – в Одессе доходило до 60° на солнце, в Москве до 50°. Дня три уже держится необыкновенно приятная, прохладная и солнечная погода...

Остальных теток и дядек – еще не видел, но всех посещу...

Теперь просьба к вам – писать мне как можно чаще. В Одессе нет ни телефона, и письма доходят не так быстро, как в Москве, – и я чувствую себя оторванным – Сима, к сожалению, далеко. Все это меня беспокоит, поэтому хоть коротко, но пишите мне обо всем...

Как вы поживаете в Остенде? Написала ли вам Женя? Я все скорблю – хоть бы четверть нашего солнца вам...

Обо всех маленьких происшествиях курортной моей жизни – буду сообщать вам аккуратно – платите мне тем же... Я всего второй день на покое и уже посвежел настолько, что из зеркала смотрит совсем другая рожа. Адрес всегда один и тот же – Главный почтамт, до востребования. Привет Грише.

И.

¹ Ляхецкий Иосиф Моисеевич, муж Г.А. Швехвель (Кати).

11. 10 августа 1936

Одесса, 10.VIII.36

Отходим от жары – погода прохладная и ветреная, ночью была буря. 14-го начинаю лечение носа (ингаляция и лампа Баха) и всякое прочее улучшение – ванны, массаж и проч. Уже чувствую

себя несравнимо с Москвой. Живу, кажется, в бывшем особняке Бирнбаума¹ (так утверждает Катя), Ляхецкие рядом – на Ланжероновском бульваре. Он чудаковат до крайности. Обедрами кормит меня хозяйка. Меню: синие, бычки, пшонка, дыня и прочие традиционные вещи, за исключением скумбрии, которой в этом году нет... Пишите почаще.

И.

¹ Бирнбаум.

12. 13 августа 1936

Одесса, 15.VIII.36

Получил первое ваше письмо в Одессу. У нас, увы, погода великолепная, не то что в Остенде. Я пока еще, кроме Кати, никого не видел, отдыхаю от московской суеты – и набираюсь с силами. Умнее поступка, чем поехать в Одессу, нельзя было придумать. Процедуры начинаю принимать с 15-го. По совету врачей, до начала курортного лечения надо было дать организму полный отдых и максимум сна – что я в меру сил и выполняю. Желая вам первым делом солнца и хорошей погоды. Одновременно пишу Жене и Наташе.

И.

13. 20 августа 1936

Одесса, 20.VIII.36

Вчера вечером были у меня в гостях Анюта с Катей. Увы, без хлопот и здесь не обойдется. Анюта до сих пор живет вчетвером в одной комнате, до краев заставленной мебелью, к тому же с зятем, раздражающим ее своей блаженной глупостью. Постараюсь найти ей здесь комнату и, главное, службу – а то она превратилась в няньку при девочке, что бессмысленно. 23-го устраивается семейный обед у Сони на Молдаванке – куда мы все и отправимся. Вчера же выяснилось, что я живу в доме (Евангельский переулок, возле моря), в котором до самой революции проживал Бирнбаум. Вот совпадение... В доме этом я ненадолго, занимаюсь подысканием подходящего жилища, с каждым днем чувствую себя все

лучше, переутомление и нервозность Москвы помаленьку улечиваются. Несколько дней не был на почте – надеюсь, что меня ждут письма от вас и Жени. Погода у нас превосходная, я аккуратно купаюсь.

И.

14. 15 августа 1936

Одесса, 15.8.36

Ничего нового. Прохожу т<ак> наз<ываемые> процедуры, купаюсь, гуляю, дышу поэтическим и литературным воздухом Одессы – надежды на него возлагаю большие. Живу в роскошных, но временных помещениях – был на Ближних Мельницах – вот райское место, если бы море... Исподволь подыскиваю себе хибарочку. От Жени, увы, сведений нет. У теток все как полагается. Одна беда – начинает портиться погода, дышит осенью, как у вас? Пишите, золотые мои, почаще.

ИБ

15. 28 августа 1936

Одесса, 28.8.36

Mes enfants.¹ Жалобы ваши мне непонятны – я пишу очень аккуратно. Все письма скопились, вероятно, в Брюсселе. Очень сожалею о том, что отпуск ваш кончается. Увы, бельгийская погода перебросилась и к нам – дня три уже пронзительный ветер и холод. Но мы все уповаем... И потом – с чего вы вообразили себе всякие страхи о моих болячках. Я проделываю у того же неувядающего Калины тот же курс лечения, что и в прошлом году, – лампа Баха и ингаляция. Целый год у меня не было насморков, я приписываю это лечению и сейчас принимаю профилактические меры на следующий год. Я не имею здесь никаких сведений ни от Жени, ни от Симы² и Бори³; Боря обещал вам написать в конце августа – не знаю, сдержал ли он свое обещание. Обыкновенно он чрезвычайно точен. Катя со своим глупейшим супругом (к тому же лишившимся половины пальца на левой руке) отбыла вчера

в Москву. Я здесь жду хорошей погоды и шлю вам свое благословение. Пишите par avion⁴.

ИБ

¹ Дети мои (*фр.*).

² Швехвель Сима Ароновна (во втором замужестве Фаерман) – сестра Ф.А. Бабель.

³ Сведений о данном лице не найдено. Речь не идет о муже С.А. Швехвель: его звали Израиль. Возможно, Борис – это их сын.

⁴ Воздушная почта (*фр.*).

16. 1 сентября 1936

Одесса, 1.9.36

Вчера в трамвае у меня вырезали часы – один из любимейших предметов моего обихода. Этих же воров я когда-то воспевал, так что жаловаться не имею права. Вот – главная новость. У меня проездом в Ялту гостит Эйзенштейн¹. В Ялте через несколько дней он начинает съемки по моему сценарию, и мы дорабатываем здесь последние сцены. В последних числах сентября я, вероятно, тоже совершу вояж в Ялту², поем там виноград и посмотрю наиболее важные съемки. Эйзенштейн говорит, что по сравнению с Москвой я неузнаваем и физически, и духовно; работаю в десять раз лучше, чем в Москве.

ИБ

¹ Сергей Михайлович Эйзенштейн (1898-1948) в 1936 г. работал с Бабелем над вторым вариантом сценария к фильму «Бежин луг» (работа не была завершена, фильм запретили, единственная копия сгорела во время пожара в годы Великой Отечественной войны).

² В Ялту Бабель выехал 26 сентября, вернулся в Одесу 22 октября (см. далее).

17. 5 сентября 1936

Одесса, 5.IX.36

Я все еще живу рядом с Лермонтовским курортом – но это последние дни. На выбор есть несколько квартир – завтра, наверное, остановлюсь на одной из них. Я приехал сюда без всяких болезней,

но с крайним переутомлением и весь избитый московской суетой. Начинаю оживать не по дням, а <по> часам. И душа, и тело входят в норму. Теперь меня отсюда никуда, кроме как в Брюссель, не выгонят. Думаю, что и работа пойдет не та... Я до сих пор мало с кем виделся, исполнял предписания врачей – отдыхал и спал. Теперь, как только приобрету оседлость, – начну делать визиты и займусь тетками. Сегодня поговорю в санатории о массаже – мне почему-то тоже кажется, что это будет благодетельная вещь.

Фотографии я получил и сделал достоянием всего семейства. Все охали и восхищались.

Очень обидно, что так долго идут письма и нельзя позвонить по телефону. Москва теперь настоящая столица – устроенная, *moderne*¹, а здесь все старинка, сердцу приятная, но, выходит, неудобная. Погода все время была средняя, но, похоже, установилась, как говорят в Одессе, «та» погода.

И.

¹ Современная (*фр.*).

18. 10 сентября 1936

Одесса, 10.IX.36

Посылаю вам (с обязательным возвратом) собственноручное письмо Наташи. Женя сообщает о ней чудеса. Их адрес: Kensington Hôtel, La Croix (Var)¹. Это возле St. Raphaël. Итак, мы расселились у трех морей. Помогла им уехать Сима. Наташа, как и следовало ожидать, командует всем отелем и пленяет все сердца. Женя просит у всех прощения за неписание – отговаривается плохим почерком и крайней нелюбовью к эпистолярному искусству. У нее все благополучно. Край, в котором они живут, – это благословенные места...

Что касается меня – то люди, видевшие меня в Москве, отказываются признать меня в Одессе – такой я получил глянец. Чувствую себя с каждым днем лучше. До чего оно умно вышло, что я уехал из Москвы – это даже рассказать трудно. Посижу здесь подольше – пока не закончу заветной одной книжонки.

Жду ваших фотографий, обещаю в обмен свои. Катя с Ляхецким давно уехали – я вам своевременно об этом писал. Делами теток я пока не занимаюсь, поэтому ч<то> поглощен своим устройством. Я, по правде, присматриваю здесь усадьбу в дачной местности – на постоянное владение – для того чтобы иметь место, куда бы в нужный момент я мог скрыться для работы – а то темп и ритм нашей жизни таковы, что, глядишь, все сроки пройдут – и так и не выберешь времени для размышления и кропотливого занятия своим ремеслом. Как только это дело оборудую – займусь Анютиными квартирными делами. Что касается Скляров, то они на Госпитальной logés² очень великолепно, скромная наличность дает им полное удовлетворение. Одесса переполнена интуристами, (глав<ым> образом) американцами одесского же происхождения – приехавшими сюда к родственникам (через Интурист) после двадцати, тридцати и сорокалетнего отсутствия. Вот бы Розу³ подбить... В Лондонской – неописуемые сцены. С Госпитальной, с Базарной, с Костецкой к американским дядюшкам тащатся евреи... Крики, возгласы и объятия – все это легко себе представить... Мне бы, конечно, тоже хотелось, чтобы меня мои дядюшки навестили.

ИБ

Женя извиняется, что не пишет, но и она, и Наташа чувствуют себя на курорте очень хорошо.

ИБ

¹ Вероятно, Ля-Круа-Вальмер – коммуна на юго-востоке Франции, в регионе Прованс, департамент Вар.

² Расквартированы (фр.).

³ Роза Эдельсон – родственница или близкая знакомая Бабелей, жившая в Америке.

19. 17 сентября 1936

Одесса, 17.IX.36

Благорастворение воздуха... Снова лето и «радость бытия». Поздравляю вас с новым годом¹. Вчера у меня незабываемый вечер. Пошел с дураковатым Ляхецким (он вернулся)

в синагогу на Мастерской улице² (за Колонтаевской); с детства знакомая обстановка, лица, старухи в «фарчейлах»³, старики с громоподобными голосами. Очень рад, что пошел, конечно, не обошлось без молитвы – на свой лад и не тому богу – главным образом за вас...

Так как Женя сознает свою вину – то вы должны ей написать. Адрес у вас есть. Как климат в Брюсселе? Меня на несколько дней вызывают в Ялту. Если поеду, буду вам телеграфировать.

Salut⁴!

ИБ

¹ Речь идет о Рош-а-Шана, еврейском Новом годе.

² Мастерская улица идет параллельно Балковской.

³ Фарчейл – платок в переводе с идиша.

⁴ Привет (*фр.*).

20. 22 сентября 1936

Одесса, 22.IX.36

Двадцать шестого еду в Ялту. Адрес: Ялта, кинофабрика, Эйзенштейну для меня. Думаю, что одно-два письма от вас сумею получить. Погода стоит изумительная, в Ялте, наверное, еще лучше. Только бы до двадцать шестого не разыгралось море; сейчас – штиль, а с качкой у меня отношения неважные. Поедим в Ялте винограду и поедем по южному берегу... Потом возвращаюсь в Одессу. Дача здесь уже приготовлена. Адрес остается прежний. Пишите неукоснительно. После возвращения займусь всей родней; буду шить им кофточки и вносить взносы.

По-моему, от вас на почте есть письмо – вчера явился поздно, и не выдали. Принимая во внимание, что я человек безмерно занятой, а вы, наоборот, пишете часто, почтовые расходы возместим. С тем примите привет от вашего племянника и двоюродного брата.

ИБ

21. 24 сентября 1936

Одесса, 24.IX.36

Вчера получил ваши карточки. Я их очень понравил. Вчера же отнес их Анюте, передал ей две «группы» – одну для Сони. Все они тоже карточки понравились. Ада растолстела, в отличие от моей сестры, которая держится в форме. <...> Я, продолжая свой роскошный образ жизни, – отправляюсь послезавтра в Ялту – засиживаться там не предполагаю, закончу дела с Эйзенштейном, сделаю две-три экскурсии (Массандра, Алупка, Никитский сад) – и вернусь в Одессу работать. Прошу вас две-три открытки о здоровье направить мне по адресу: Ялта, кинофабрика, мне.

Женя извиняется, что не пишет, но и она, и Наташа чувствуют себя на курорте очень хорошо.

ИБ

22. 23 октября 1936

Одесса, 23.X.36

Приехал вчера вечером. Под Ялтой маленько качнуло, зато после Севастополя – вода была, как остывший суп в миске – т. е. наиболее приспособленная для такого морского волка, как я, – так что приехал в блестящем состоянии. Здесь пасмурно, но не холодно. Только что был на почте, где получил ужасающих размеров корреспонденцию. Пишу вам предварительно – как только разберусь с делами – засяду за письмо по-настоящему. Пока направление одно – как можно больше работать и не возвращаться в Москву – не доведя работы до конца. Хочу последовать Мериному совету – и пройти курс массажа, а то теряется «линия». Буду принимать морские ванны. Насчет землицы и огородика напишу вам после 25-го, к этому времени наведу исчерпывающие справки. С тем – предлагаю вам для неуклонного выполнения – быть здоровыми.

ИБ

23. 25 октября 1936

Одесса, 25.X.36

Пишу на почте. За каллиграфию не взыщите. Кроме того, сегодня весь день – с утра до вечера – занимался сочинительством, и мозги у меня в настоящую минуту в отпуску.

Приехал 22-го, о чем вам писал – и вот только что 25-го вечером вышел из своей комнаты – совсем замороченный. Похоже, что напал на дельные мысли, поэтому и тороплюсь. Кроме того – нужно теперь всякие командировки зарабатывать собственноручно, благодетеля нету уже.¹ В Москву хочу поехать только после того, как окончу работу, – и очень страшусь вызова по каким-нибудь кинематографическим делам. Работой с Эйзенштейном в Ялте я доволен, как бы фабрика не разохотилась и снова меня не вызвала.

Завтра – пойду по своим дачным делам. Мне очень хочется иметь в Одессе – вдали от мирской суеты (только здесь я и могу работать) – домик с садиком – т. е. то, о чем и вы мечтаете, – к сожалению, мне это сделать легче, чем вам. И вот перед тем, как предпринимать всякие переезды и путешествия – мне хотелось бы такую хибарку здесь за собой закрепить – думаю, что и для работы, и для семьи это будет в высшей степени полезно. Я убедился в том, что в Москву надо ехать гулять, получать деньги, заключать договоры, а работать надо где-нибудь на природе. Все мы делали до сих пор как раз наоборот... О достижениях своих в этой области буду вам аккуратно сообщать. Мне хотелось бы, чтобы и вы завели себе садик и машину – все-таки здоровее и веселее... Пока у меня, кроме квартиры в Москве, есть подмосковная громадная, только что выстроенная дача, но мне не нравится то, что она расположена в писательском поселке – может быть, обменяю ее на что-нибудь равноценное.

Очень беспокоюсь о Женином финансовом положении – не знаю, как отразится на ней девальвация франка. Как вам – лучше от этого или хуже? И вообще – похоже, что у нас спокойнее теперь, чем в Париже и даже Брюсселе.

От Симы и Марьяси² не имею никаких сведений, очень бы хотел знать, что с ними и где они. Как поживает Боря – когда вы с ним виделись, скоро ли он будет в Брюсселе. Напишите мне поскорее.

Тетки за время одесского и ялтинского моего житья, надо думать, захирели; неограниченные мои ресурсы все в Москве – здесь я мирно живу на жалованье – поэтому целый месяц их не освежал. Чувствую по этому поводу «харуту»³ – и упущение сие исправлю. Погода на нашей родине свежая, но ясная и солнечная. Удивления достойно все-таки как я здесь перерождаюсь – физически и духовно. Для брюха здесь непрерывная симфония – камбала, кефаль, халва, бублики с семитатью и маком, <2 сл. нрзб.>, словом, пища, достойная «артиста». Несмотря на почту, я все-таки что-то нацарапал – до истощения чернил в *style*. Кланяюсь вам и целую вас – до завтра или послезавтра письменно, а и лично, думаю, не за горами.

И.

Страшно перечитывать, какую мыгылу⁴ написал.

¹ Речь идет о М. Горьком, который умер 18 июня 1936 г. Под командировками Бабель имеет в виду поездки за рубеж.

² Сведений о данном лице не найдено.

³ Харута – идишское слово, пришедшее из иврита, означает раскаяние, покаяние, глубокое сожаление.

⁴ Мыгыла – длинное послание, свиток (*идиш*, от ивритского слова «магила»).

24. 29 октября 1936

Одесса, 29.X.36

А вот и неуываемый «дюк»¹, который по-прежнему выполняет все работы, от которых отказываются люди – «нехай дюк делает» – и выслушивает многие речи – согласно приказанию: «говори до дюка»...

У нас теплая осень, идет теплый дождик. Трудимся удовлетворительно, живем мирно – ложусь в 11 ч. вечера, встаю в 7 часов, кушаю «ту» пищу, точно как дома, во времена детства, разве что побогаче – чувствую, что от этой пищи умнею. Завтра напишу подробно, поднакопились дела.

И.

¹ Письмо написано на почтовой карточке с изображением памятника герцогу де Ришелье в Одессе.

25. 1 ноября 1936

Одесса, 1/XI 36

Я живу в смысле тишины и покоя в таком блаженстве, давно уже не испытанном, что из действительной жизни, можно сказать, выключился совершенно. В комнате моей так тихо и невозмутимо – что ничего кроме как работать – не хочется; стараюсь наверстать упущенное и скопить резервы на будущее – всякие поездки в Москву и проч. (куда меня уже вызывают, главным образом по кинематографическим делам, но я пока отбиваюсь. В работе, мне кажется, наступило действительное улучшение – и я стараюсь не потерять ритм и темп.

Завтра напишу Жене – я категорически буду возражать против поездки Наташи в Швейцарию – времена теперь беспокойные и помимо всего прочего расставаться с ребенком, по-моему, просто опасно.

Завтра пойду на почту. Надеюсь, застану от вас письмо. Сегодня вечером схожу к Анюте – о впечатлениях своих завтра напишу. Погода пасмурная и теплая. Потихонечку в одиночестве гуляю и чувствую себя совершенно счастливым.

ИБ

26. 2 ноября 1936

Одесса, 2/XI 36

Пишу на почте. Несколько дней здесь не был и только сегодня получил ваше письмо от 22-го. Очень рад, что у вас побывал Боря и помог вам. Я не понял только, в какой сумме выразилась его помощь – в каких франках; бельгийский, мне кажется, меньше французского, французский меньше швейцарского и т. д. Разъясните...

Жене строго-настрого наказал Наташу в Швейцарию не отправлять, считаю момент в высокой степени не подходящим. После приезда в Одессу – я от нее тоже никаких писем не получал.

Я по-прежнему живу в раю – например, на завтрак сегодня ел рубленые яйца, гусиные шкварки и чай с малиновым вареньем... Это, по-моему, называется нум амбромо. Если результаты моих

трудов будут удовлетворительны, тогда перспективы в высшей степени утешительные. Работаю, как редко когда.

У меня к вам просьба. Попытайтесь мне прислать обыкновенной посылкой 25 сигар хорошего качества и *легчайших* – *clarо*, *самые легкие*, какие только есть – похоже, что пошлина очень незначительна. Я к этому делу сильно пристрастился, а мои запасы кончаются. О тетках не беспокойтесь, все будет в порядке. До завтра.

И.

27. 3 ноября 1936

Одесса, 3/XI 36

Итак, родные крошки, жду от вас подробностей разговора с Борей – написанное Мериным куриным почерком никак не разобрал.

Сегодня буду у Анюты, отнесу мзду. Я теперь живу, как мудрец – т. е. на малые деньги. Москва с неограниченными возможностями далеко, поэтому мои пенсионеры маленько прихворнули – но впереди сияющие перспективы... Я тружусь, боюсь, не чрезмерно ли... Возможно, сделаю себе два-три выходных дня. Salut!

И.

28. 5 ноября 1936

Одесса, 5/XI 36

Был у Анюты – там слезы из-за квартирных дел. Зять столь обезоруживающего идиотизма, что не знаешь, с какой стороны за него приняться. Ясно одно, что это не тот человек, который может добыть для себя угол. Попытаюсь вмешаться в это дело, хотя, видит небо, некогда. Соне послал сегодня стипендию – так что праздники она проведет хорошо. С Анютой пойду к Соне Фельдштейн и там поговорим о квартирных делах.

Я блаженствую в трудах, не хочу заглядывать в будущее, и хотел, чтобы эта моя привычная жизнь продолжалась подольше. Сегодня великолепная солнечная погода. Привет, mes enfants.

И.

29. 11 ноября 1936

Одесса, 11.XI.36

Получил мамино письмо от 31/X. Отвечу по порядку. О Соне заботиться вам не надо, посылки отправлять бессмысленно. Я дал ей несколько дней т<ому> н<азад> немного денег и после 15-го дам еще. С этой стороны все будет благополучно. Анюта после 15-го тоже получит 100 рубл<ей>. О квартире для них начал хлопотать, болван этот обставил себя так, что он вообще никаких прав на добавочную жилую площадь не имеет. Меня удивило то, что мама пишет о посылке, – то, что ее надо оплачивать пошлиной в Брюсселе. Неужели это так? Тогда сигарный заказ, конечно, отменяется. Я предполагал (и предполагаю), что пошлиной надо оплачивать один раз. Если предположения мои правильны, то можете к сигарам присовокупить коробочку запасных вставных зубных щеток Gibbs (палка у меня есть) и несколько (можно побольше) пачек курительной бумаги La Croix.

Меня по делам кинематографическим спешно вызывают в Москву, но я пока отбиваюсь, требую, чтобы режиссеры ехали сюда. Трогаться сейчас с места – неохота смертная, только что расписался по-настоящему. Думаю, что в конце декабря недели на две в Москву поехать придется.

Жду от вас подробностей о житье-бытье Бори, как идет его ученье и прочее.

С одесской моей базой – я нахожусь сейчас в стадии «смотрим». Решил, что особенно далеко от города забираться не следует (у нас и на Дерибасовской тихо); участок мне коммунальный предоставит любой. Заезжать на дачу Ковалевского (принимая во внимание, что это должна быть и зимняя квартира) – бессмысленно, больше всего из виденного меня привлекают Ближние Мельницы и Чубаевка (за 7 станцией). Надеюсь, что в ближайшие две недели я окончательно остановлюсь на каком-нибудь «объекте».

Опасения ваши насчет Наташи я разделяю; как бы Женя не заслала ее в Швейцарию – что по нынешним временам – недопустимо. Вообще, положение европейского «неравновесия» мне уже по чисто семейным причинам доставляет тяжкие заботы. Во всем же остальном – у меня сейчас как будто хороший период – так называемого «подъема»...

С тем – до свидания. Хочется надеяться, что политическая буря пройдет мимо Брюсселя. Как у вас самочувствие на этот счет?

Целую вас, *mes bons amis*¹, несчетно раз.

И.

¹ Мои хорошие друзья (*фр.*).

30. 15 ноября 1936

Одесса, 15/XI 36

Вчера на почте я нацарапал вам бессвязную открытку. Телеграммы от кинофабрики¹ все настойчивее – надо ехать. Постараюсь в Москве больше месяца не оставаться, постараюсь там неукоснительно работать (я только было здесь расписался). Уезжать очень жалко, но надо. Узнаю много новостей, собери справки о Парижской выставке². Ответ на это письмо пишите в Москву. Рассчитываю там быть числа 25-26-го. Остающиеся мне 10 дней буду работать так, чтобы отрываться только для принятия пищи и короткой прогулки. Чем больше работаешь, тем лучше.

¹ Речь идет о съемках картины «Бежин луг».

² Видимо, речь идет о предстоящей Всемирной выставке в Париже 1937 г.

31. 21 ноября 1936

Одесса, 21/XI 36

В Москву поеду дней через пять. Обозреваю пройденный в Одессе путь и испытываю некоторое удовлетворение – хотя сочинение и не доведено до чистовой, но шаги сделаны такие, что теперь вряд ли и Москва сможет остановить. Похоже, что я нашел новую «форму» – поэтому и чувствую себя бодрее и увереннее, чем раньше. В Москве рассчитываю застать от вас письмо. Посылки, как вам уже известно, посылать пока не надо. В Одессе сегодня первый холодный день – у меня топится печка – все-таки это лучше любых лаборториев...

Позавчера был в трогательных гостях у моего учителя математики Попруженко¹. Старик мне весь вечер играл на рояли. Обедал у Мошеса², окруженного злыми женщинами из рода Рахмиловичей; там была Тоня Гершуни³, все вспоминая в восторженных выражениях о Мери. В Институте питания, директором которого состоит Леня Черкес⁴, встретил сына Натанзона, восточного типа, молодого человека – доктора... Voilà⁵...

И.

¹ Попруженко Сергей Георгиевич, преподаватель математики в ОКУ. В ноябре 1938 г. Попруженко навестил Бабеля в Москве.

² Мошес Гецель, одноклассник Бабеля, окончивший ОКУ в 1911 г. с золотой медалью и званием кандидата коммерции.

³ Сведений о данном лице не найдено.

⁴ Сведений о данном лице не найдено. Возможно, брат Григория Черкеса, выпускника ОКУ 1912 г. (см. выше).

⁵ Вот (*фр.*).

32. 24 ноября 1936

Одесса, 24.XI.36

Зима... Вчера выпал обильный снег, сегодня на окнах появились ледяные сосульки. В некотором роде – для разнообразия даже приятно... В Москву еду 27-го¹. Теперь курьерский поезд идет до Москвы всего 26 часов – выезжаем в два часа дня, прибываем на следующий день к вечеру. Третий день не работаю – этап черновой работы закончен, теперь надо сделать перерыв, отвлечься другими делами – набраться духу – и затем в два-три месяца рассчитываю все привести в годный для печати вид. Отдых свой употребил на чтение газет, ну и тучи на горизонте!.. Даже маленькая Бельгия взволновалась²... Прошу вас писать мне теперь почаще – как у вас самочувствие, как дела у Гриши на службе... Во Франции тоже не слишком спокойно... Беда. Одна надежда – что инстинкт жизни победит в конечном счете.

И.

¹ 27 ноября Бабель опоздал на поезд и выехал в Москву на день позже.

² Возможно, имеется в виду денонсирование 11 октября 1936 г. правительством Бельгии военного союза с Францией, заявление об отказе от своих обязательств по Локарнским соглашениям 1925 г. и объявление королем Леопольдом III возвращения к политике нейтралитета; 22 октября в стране было введено военное положение в связи с активизацией фашистских выступлений.

Предисловие, публикация и примечания
Елены Погорельской

